

Публикация стихотворений из произведения «Казачий разъезд».

Баллада о Муравьеве-Амурском

На праздничный той.

К дальним землям,
Пушным и рудным,
За Байкал уводя казаков,
Сплавом шел
К берегам бесприютным
На привольный Амур
Муравьев.

И казацкую скинув папаху,
Говорил:
«Будем с миром идти,
И чтоб порохом дымным
Не пахло,
И не сеять вражду
На пути.

О добре
И Отечестве помня,
Наклонясь волной,
Он стакан,
Словно кубок,
Наполнил
Амурской водой.

Сказание об Иване Москвитине

Пролог

Был слышен
Ивашко Москвитин на Улье:
От якутской вдали
Острожков и станиц,
На Гиляцкой орде,
На реке на Амуре,
Много вольных лежит
Неясашных землиц.

I.
Не однажды Ивашке
Тунгусы толмачили:
Острова за серебряной
Рудной горой,
А по тем островам
Все гиляки сидячие
Кормят в клетях медведей

II.
А живут те гиляки
Деревнями издавна,
Скот да птица, да пашни,
Да курят вино.
А дворы, как у русских,
С добротными избами,
А у тех деревень
Крепостей – ни одной.

III.
Серебром дорогим
Их одежда расшита,
Мягкой рухляди много
В орде островной.
А железо на них –
Только панцирь защитный,
Да куяки,
А бой – копейной да луш.

IV.
Помнят в землях языческих
Удаль казацкую,
Безотказны пищали,
Пушки с ядрами есть.
И надумал Ивашко
Орду ту гиляцкую
Под его государеву
Руку подвести.

V.
А к амурскому устью
Идти нужно с вожами –
Подле берега моря,
После лютой зимы.
И на Ульинском плотбище
Было заложено
Два устойчивых коча,
Каждый сажень осьми.

VI.
Из-за сопки эвены,
Покрытые латами,
Приходили побить
Многолюдной толпой,

Но с пищалями длинными
Казаки бородатые
Дело ратное знали,
Правя огненный бой.

VII.
Были биты эвены
Казацкою силою.
Средь москвитинцев пал
Лишь Дружин Иванов.
Первый крест христианский
Над русской могилою
Встал у края холодных
Морских берегов.

Эпиграмма
Не дошли казаки —
Тому вожа измена,
Не по силам была
Островная орда.
Три кружка серебра
Подарили эвены,
Для потомков примета:
Вернуться сюда.

Каторжанки

Против Устья-Зейской станицы,
К устью Амура спеша,
Хмурой плавучей темницей
Встала на якорь баржа.

Первая сплава стоянка
Посередине реки.
В трюме сыром каторжанки, —
Нары, решетки, стрелки.

Трюмом измучены жарким,
Женщин бескровны уста.
Прачки нужны да кухарки
Дальним казацким постам.

Ни переправы, ни брода,
Призрак на волне.
Убраны лодки от борта,
Бдительней стража вдвойне.

Срама такого не знала
Эта река на веку.

Женщин почуяв, стенала
Вольница на берегу.

Баржа от гула дрожала,
Люд у реки ликовал.
— На берег всех каторжанок! —
Вдруг Муравьев приказал!

... К устью Амура по солнцу
Утром баржа уплыла,
Долго казацкую вольницу
Песнь каторжанок звала.

Челобитная

Казацкую нужу осилив,
Лишений хлебнув да беды.
Вернулся Поярков Василий,
Дойдя до соленой воды.

В неведомых землях три года
Ходил на даурских князей.
Якутский встречал воевода
Усталых служилых людей.

На Шилке, на Зейской равнине
Как гибли, — не злой тому рок,
Порой атаман был повинен —
В деяниях лют и жесток.

... Гуртом воеводе обидную
Про голод, нужду и обман
С поклоном несли челобитную —
Как до смерти бил атаман.

Свои — сослуживцы, не вороги, —
А клял их, расправу верша:
«Служилые люди не дороги,
Цена-то всего — два гроша».

Куда казакам было деться?
Пограбя их хлебный запас,
Есть мертвых велел иноземцев,
И ели, дабы не пропасть.

Весною травой да кореньем
Кормилась голодная рать.
Превнес атаман повеленье:
Огню это поле предать.

Чтоб хлеб у него покупали
Потом дорогою ценой.
За так казаки погибали,
За зря, не от сабли стальной.

Прослышал народец даурский
И впредь людоедами звал
К селеньям да к берегу русским
Плотам приставать не давал.

... И грех — безымянных, невинных
Их памяти доброй лишать.
На Шилке, на Зейской равнине
Забитые кости лежат.

Про долю в пути незавидную,
Про горькую жизнь казаков
поведала нам челобитная,
покрытая пылью веков.

Баллада о казаке

Был Амур не добр и ершист,
Словно необузданный рысак,
И стоял, на шашку опершись,
Молодой задумчивый казак.

Над Амуром, низко над землей,
Как папахи, плыли облака.
Не за легкой славой сечевой
Я сюда пришел издалека.

И с коня, устав от ратных дел, Снял
седло и бросил на песок,
И от шашки, воткнутой в надел
Семь шагов отмерил на восток.

Семь шагов на север, для того,
Чтобы дом с иконами срубить:
«От порога дома моего,
От Амура впредь России быть».

Казачки

Из далекой матушки-Сибири
По Амуру плыли казаки.
На причал казачки выносили

Кринки с молоком да пироги.
В новое рядились не напрасно,
Пышные хлеба несли не зря —
Приставали грузные баркасы,
За берег цеплялись якоря.

Жарко щеки девушек пылали.
И усы, пригладив кулаком,
Казаки, влюбляясь, запивали
Пироги холодным молоком.

А одной пригожей да румяной
Говорил безусый балагур:
«Проводи, казачка, к океану,
Забайкальцу покажи Амур».

Рождество

Пробуждая утром ранним
Голубую даль окрест,
Плыл над градом деревянным,
Над Амуром благовест.

В стылых окнах гасли свечи.
Отходя от срочных дел,
Закрывали люди печи,
Дым над крышами редел.

Не спеша, путем привычным
Шел богатый люд, простой
По Казачьей, по Станичной,
Муравьевской, Невельской.

Снег клубился следом густо —
Мчались саночки купцов
И, с ядреным снежным хрустом,
Кони гордых казаков.

Дошки, шубки дорогие...
Городская дума, власть —
Город шел на литургию,
На кресты церквей крестясь.

Возвышаясь над домами,
окружал сосновый бор
С голубыми куполами
Чудный Шадринский собор.

Казачий разъезд

Над рекою сонной
лошадки храпят,
Кожаные седла
Да ремни скрипят.
Под копытом галька
хрустнет над водой,
Просвистит нагайка,
вздрагнет вороной.
Словно ворон, кружит
за рекою враг,
Ты не спи, хорунжий,
Боевой казак.
На луну-иконку
Помолись-ка, брат,
Дома мать да женка,
Трое казачат.
Наклонилась ива,
отыскав покой, —
Словно, свесив гриву,
Пьет из речки конь...

Ветка ивы кружит,
на воде дрожит.
Молодой хорунжий
под конем лежит.
Через ночь — аллюром,
За волю да за честь,
Летит над амуром
Казачий разъезд.

Освящение

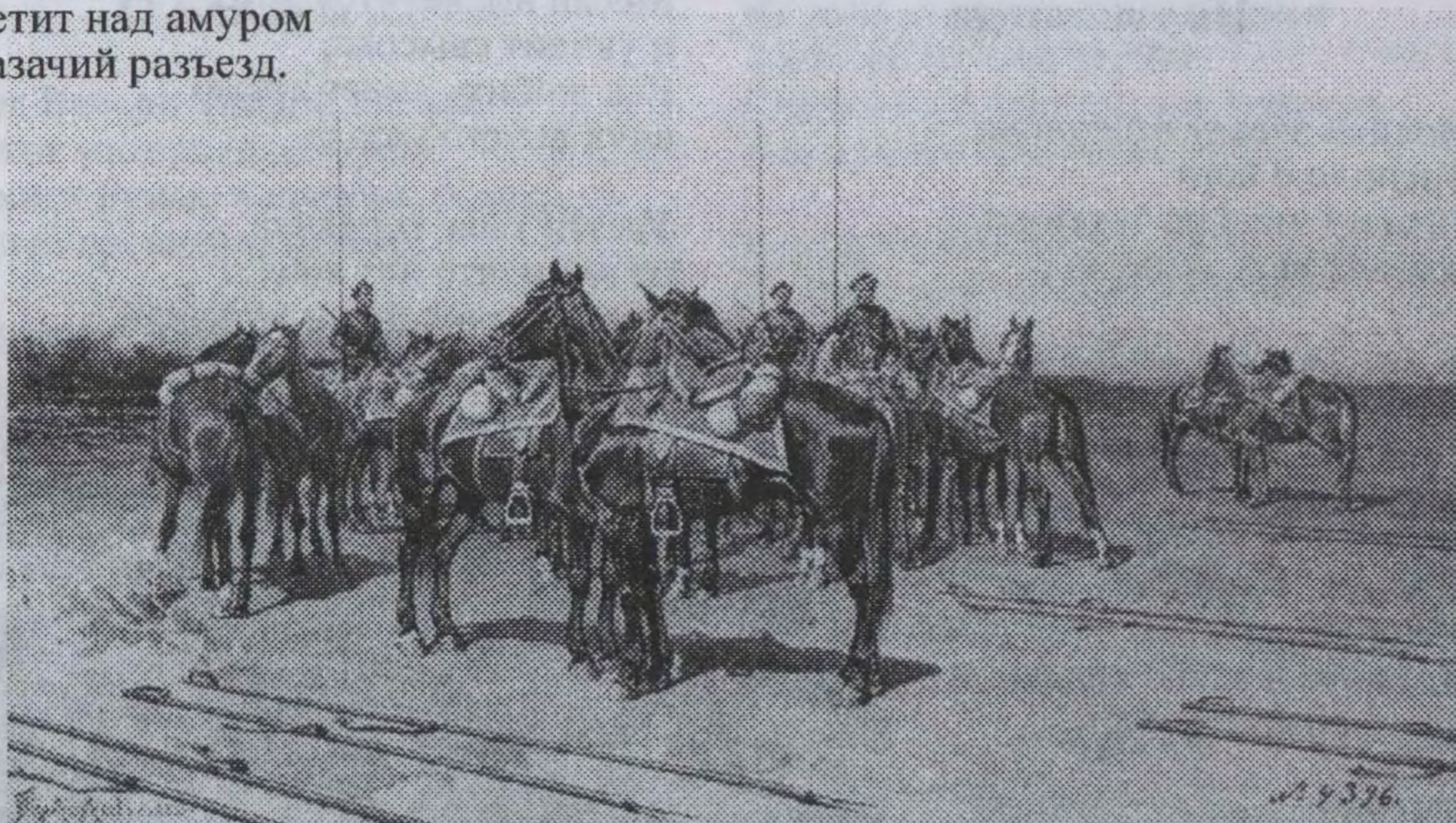
У Царских Врат иконостаса,
Под звуки древних, вещих слов
Пылали жарче, чем лампы,
Сердца амурских казаков.

Свечей горенье восковое
Над славой желтого креста,
Святили знамя Войсковое
У ног распятого Христа.

Вселяло веру Божье слово,
А честь — кропящая рука.
В крови распятое сословье
Вновь возрождалось на века.

И крест андреевский для глаза
И непривычен был, и нов,
Как перекрестие лампасов,
Как символ братства казаков.

В Господнем храме не для славы,
Мужской потехе вопреки,
Святое знаям целовали
и присягали казаки.

*«Казачий разъезд». Из галереи картин русского художника-передвижника
Прянишникова Иллариона Михайловича.*

Две улицы

Где амур и Зея сливаются,
По берегам их, некогда диким,
Эти улицы пересекаются
Словно судьбы сынов великих.

Эти улицы освященные
Уваженье людское снискали,
Словно шашки в бою скрещенные
Муравьевская и Невельская.

Топорами, идя встречу солнца,
Эти улицы прорубали,
Именами землепроходцев
Казачки для потомков назвали.

Но чадит, как лучина угарная,
В недрах душ, сатаною плененная,
Наша память неблагодарная,
Наша совесть, в делах посрамленная.

И останемся мы невеждами,
И простят ли потомки, не знаю,
Что забыты улицы прежние —
Муравьевская и Невельская.

На теплоходе

Волной звезду вечернюю
Ударило о борт.
Плывет вниз по течению,
в огнях весь теплоход.

Я выхожу на палубу,
Волненья не тая,
Не нагложусь на алые,
амурские края.

Волнует сердце славная
история реки,
Когда-то к морю сплавами
здесь плыли казаки.

Скрипели весла длинные,
И песни в час ночной,
Казачьи, старинные,
Звучали над рекой.

Под тихой звездной впадиной,
По темной глади вод
путем далеких прадедов,
плывет наш пароход.

Сгорают над лиманами
Последние лучи,
«Амурский вальс» Лошманова
на палубе звучит.

Внук казака

Пусть по свету что угодно
носят злые языки.
Возрождаются сегодня
на Амуре казаки.

Мне не надо «адидаса»,
Блеск по хрому наведу
и по улице в лампасах,
на свидание пойду.

По раскидистой рябиной
поведу любовный круг,
Расскажу своей любимой
то, что я казачий внук.

Месяц высветится ярко
и увидит свысока,
Как любить умеет жарко
внук лихого казака.

Увезти тебя, гордячка,
не вини, что нет коня...
Все же станешь ты казачкой,
если выйдешь за меня.

Звонарь

Поднимайся, звонарь, к поднебесью!
Поклонись зоревому костру!
И свою колокольную песню
для души отзвони поутру.

Отзвони из того, что осталось,
тишину, как набатом, круша,
Христианская истолковалась
по могучему душа.

Со знаменем крестным, с поклоном,
да Господней молитвой во Храм.
Мы приедем к чудотворным иконам,
к обнаженным Христовым ногам.

По сиянием ангельских крыльев,
мы попросим прощенья за тех,
за неведавших то, что творили,
за принявших невиданный грех.

Нас от Бога в душе не избавить.
Ты, звонарь, отзвони, да сполна,
Пробуди колокольную память —
Русь Соборная верой сильна.

О Божием Храме

Миг Вечери Тайной в раме,
Божья мать над свечой.
Пахнет Русью в светлом Храме,
русью древней и святой.

В тишине лазурных красок
Мирно ангелы парят,
посреди иконостаса
двери чистых Царских Врат.

На высоких аналоях
лики кроткие святых.
«Где во имя Бога — двое,
Сам Господь там посреди них.»

Здесь в тиши, души печальной
Не потеха, а приют.
В Храме молится в молчанье
Русский верующий люд.

В небе луковки тугие
золоченных куполов.
Но зовущих к литургии
Не слышать колоколов.

И подумать я не смею,
что в преданье ты ушла.
Растащили по музеям,
Русь, твои колокола.

Троицкая церковь

Не сокрушив, а исковеркав,
В руинах бросив, как укор,
Взрывали Троицкую церковь,
Святыню — Шадринский собор.

Волненье в конном оцепленьи:
Ах, кабы кто не пострадал!
Народ стоял в оцепененьи
И к милосердию взывал.

Ударил взрыв утробно, тупо,
С испугом вздрогнула трава,
И повалился наземь купол,
Как покатила голова.

На взлете крестного знамени
Застыли тысячи десниц.
Старушки в черном, как поленья,
Валились в судорогах ниц.

Кричали: «Дьяволы! — в бессилье...
Да чтоб вам света не видать!» —
И слезно Господа просили:
Поправших веру — покарать.

... Ругая крепость монолита,
Сказал взрывник, прищутив глазки —
«Да, маловато динамита.
Взрывать еще придется раз»...

Нищий

Оборванный, забитый,
Как будто весь прогнивший,
На паперти забытый

Сидел безногий нищий.

Привязанный ремнями,
Протез торчащий правый,
как ствол нагана, днями
был в каждого направлен.

В сторонке, неуютно
На паперти устроясь,
он требовал как будто:
Копейка или совесть.

Чуть свет, спеша к порогу,
Бросая медь со звоном,
И нищему, и Богу
Всяк отпускал поклоны.

Помогут, не погубят.
Ответа не отыщешь:
Жалеют?
Может, любят
В России нищей
Нищих?

Стою пред Господом покорный

Стою пред Господом покорный,
Его, Всевышнего, люблю я,
Доносит сверху хор церковный
Хвалу и славу: Аллилуйя!

Кто зол, – становится ранимый,
Пребудет в здравии – болезненный,
Все перед господом равны мы,
Как перед Царствием Небесным.

Переступаем мы с поклоном
Доску церковного порога,
Порой Обходим мы законы,
Не обойти судеб от Бога.

Уйму гордыню, пересилю,
Я, вечный духом, хоть и тленный,
Лишь пред Всевышним и Россией
не посрамлюсь пригнуть колени.

Амур и Зоя

Батюшка-Амур течет,
То ласковая, то мрачнейя.
Приклонила на его плечо
голову свою в печали Зоя.

говорила батюшке она:
«Извела проклятая кручина,
обмелела что-то я до дна,
высохла, как старая лучина.

Месяц не горит в косе моей,
Ожерелья звездные угасли.
Словно колыбели сыновей,
я качала грузные баркасы.

Радовалась радуге цветов
и девичьей свежести безумно.
И платки тяжелые плотов,
что наряды, были так к лицу мне.

Любовался ты красотой моей,
Кто меня злым умыслов приветил?»
Батюшка-Амур вздохнул – и ей
ничего на это не ответил.

Старец

Встретишь старца на дороге
И подумаешь о нем:
Был ли юным он, убогий, –

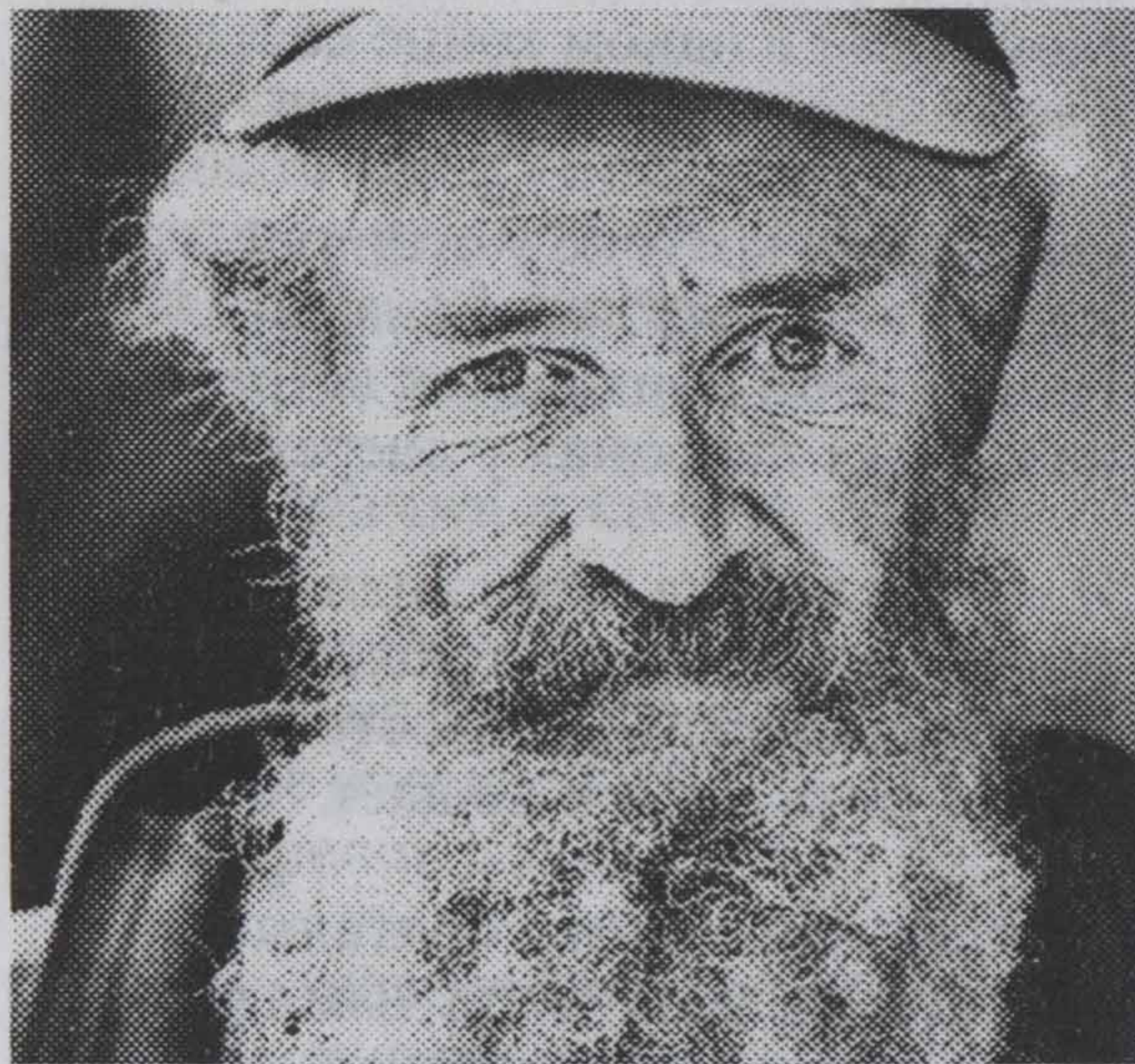
Может, вечно стариком?
А, наверное, был он статным.
И, являясь в высший свет,
Надевал костюм парадный,
был улыбкой дам согрет.

Перебрав гитары струны,
Мягким голосом своим
пел романсы девам юным,
Сам влюбленный был любим.

Может быть не так все было.
Не суля ни звезд, ни благ,
Жизнь ломала и крутила:
Пахарь, сталинский ГУЛАГ.

Может, фронт прошел суровый.
И теперь, на склоне лет,
Сердце жжет кусок свинцовый,
Притяженьем гнет к земле.

Дядя

Бывало выпьет дядя посошок
И захмелеет и разговорится:
«Вот у меня где сталинский сапог», —
И долго мнет, где почки, поясницу.

Те хромовые ноги подлецов
как будто гвозди в тело забивали,
Его глаза и желтое лицо,
прошедшие страдания выдвали.

А мы сидели кругом, племяши,
И каждый вдруг вопросом задавался:
Хоть было дядю жалко от души —
Да только как в Кремле он оказался?

В нас пламенел наивный детский пыл,
И мы потом гадали целый вечер:
Каким же зверем этот Сталин был,
Который лично дядю искалечил?

Измотался в поле за день...

Измотался в поле за день, —
Ни лесочка, ни реки.
На руках моих от ссадин
кровяные родники.

Бабье лето отпылает
и закончится пора.
От усталости качает,
Словно ветром дым костра.

Безлошадный и без сошки,
В пояснице — словно лом,
Напеку ведро картошки,
Упаду в траву крестом.

И прочувствуется в корне —
В чем связующая нить,
И поймешь: земля не кормит —
Помогает лишь кормить.

[материал утерян]
И мила земля родная
за картофельным пюре.

Косарь

Взмах руки, как циркуль, точен,
Полукругом ровный след,
И косарь сосредоточен,
Как над строчкою поэт.

Блеск косы в траве, как вспышка,
Пот на бронзовом лице,
Копны, словно пупырышки,
На зеленом огурце.

Ручей

Был день от зноя желтый,
Во рту хрустел песок.
Тянул плечо тяжелый
солдатский вещмешок.

Полыни запах горький...
В сиянии лучей
бежал, журча, с пригородка,
кружа песок, ручей.

Свернув с пути-дороги,
я скинул вещмешок
и отдохнуть немного
к нему лицом прилег.

[материал утерян]
В полынной тишине,
как мамин голос, рядом
он пел о чем-то мне.

В лесу

Шагаю, лани осторожней,
Забытым лесом не спеша.
Немало здесь созданий божьи
И в каждой теплится душа.

И мне совсем не одиноко,
Целебно действует покой.
Напьюсь березового сока,
Из родника – воды живой.

Не растревожу муравейник,
Костра в лесу не разожгу.
Я леса добровольный пленник
Могу уйти, но – не могу.

И ни чинов, ни громких званий...
Хочу – грущу, хочу – пою,
держу ответственный экзамен
Здесь на порядочность свою.

Воробей

Тянутся птицы на юг
с тихих пустынных полей.
Здравствуй, мой юный друг,
вечно родной воробей!

Скачешь ты по мостовой,
То копошишься в пыли,
Словно комочек живой
милой российской земли.

Что-то неважный прогноз,
голодно будет, боюсь.
Ты прилетай под окно,
Хлебом с тобой
поделюсь.

Проводники

Бьют колеса звонкие устало.
Мы – проводники – всегда в пути.
Мой вагон в одном конце состава,
Твой вагон далекий впереди.

Остановки краткие у станций
и при свете тусклых фонарей...
Нам с тобой приходится встречаться
на пустых перронах у дверей.

И стучат колеса меж свиданий,
то березка, то моста пролет.
На одном всегда мы расстоянья –
рядом быть дорога не дает.

Я скажу начальнику бригады:
«Ты пойми, на помощь нам приди,
Пусть вагоны наши будут рядом,
Чтобы не расставаться нам в пути».

Акимыч

Акимыч был мужик расейский,
ворчлив, но добрая душа.
Трудился он на ниве сельской,
все делал молча, не спеша.

Употреблял, но не был падкий,
Когда и сколько – меру знал.
Ему картофелекопалку
колхоз всецело доверял.

А коль правление решило,
Он подводить его не мог:
Любовно смазывал машину
и «ремонтровался в срок».

Не долго время урожая
и был Акимыч на селе
в ту пору очень уважаем
и пребывал навеселе.

Работал он не из-под палки,
по воскресеньям, до темна
его картофелекопалка
всем позарез была нужна.

И все помочь его просили,
ломали шапку перед ним.
Потом, конечно, подносили
стакан граненый со спиртным...

А вот свою картошку лучше
скребком копать предпочитал,
поскольку технике могучей
свой огород не доверял.

Девочка в синем трико

Пыль до небес да ухабы,
Поле — пешком не покрыть.
В кузове русские бабы
едут буренок доить.

С белых платочков за крылья
Цепких снимая стрекоз,
С бабами в кузове пыльном —
Девочка в синем трико.

Стадо текло из ложбины,
словно живая река.
Бились, как в гильзах, в резине
ног ее два стебелька.

Сняв после дойки громоздкие,
Тяжки гири сапог,
Тихо в тени под березками
Ярко сплетала венки.

И когда в «Спутнике» чинно
Утром беру молоко,
Видится: в кузове пыльном —
Девочка в синем трико.

Мать-героиня

Как актрису, как художницу,
Приму-балерину,
Так воспеть сегодня хочется
Мать-героиню!

Накормить семью обязана,
как рабыня
к магазинам день привязана

Мать-героиня!
У прилавка люд неиствует,
как у стен Берлина.
Ты за трудный хлеб воистину —
Мать-героиня!

И покачивает, бедную
как от героина,
и одну и многодетную
Мать-героиню!

И духовно и физически,
как повинна.
Ты за муку героическую —
Мать-героиня!

Вахтер

От цветов за окнами
Ночь сиренью пахнет.
С орденскими планками —
Ветеран на вахте.

Крепкий чай потягивает,
проверяет входы.
Бдительный, как прежде,
да не те уж годы.

Явно с посетителем
выиграв сраженье,
дремлет охраняемое
им учреждение.

Он от скуки слушает
новости по радио.
Дома спит уставшая
за день бюрократия.

Тишиной объятые,
под охрану сданные,
дремлют, с плачем клятые,
кабинеты здания.

Спят, людьми за правдою
не однажды пройдены,
коридоры —
длинные,
как бои на фронте.

Заводская березка

Во дворе заводская березка
Среди шумных стоит корпусов,
Треплет ветер коры полоски,
Словно кончики белых платков.

Кто ее посадил в сторонке,
Сокровенные помня слова, —
Может, в день обручальный девчонка,
Может, в память о муже вдова?

Поделиться нелегкою долей,
Только стихнет работа в цехах,
К ней приходят и с лаской, и с болью
Наши женщины в белых платках.

И шумит заводская березка,
И зовет к ней живая тропа.
Изменяется кроны прическа —
Не меняется женщин судьба.

Морев с эстрады поет

Тянет за прошедшее властно —
Это в саду городском
слышатся старые вальсы —
С ними давно я знаком.

Но отчего, как впервые,
На сердце сладкий налет?
Значит, мы вновь молодые —
Морев с эстрады поет.

Все, что пришлось нам проститься,
Право певцам возвращать.
Хочется песню, как птицу,
к сердцу руками прижимать.

Свадебный поэт

И про любовь и про совет
насочинял стихов не мало.
Я нынче свадебный поэт,
Не в моде что-то генералы.

Молча гуляет по селу,
Что приглашен поэт известный.
За поздравленья поцелуй

я получаю от невесты.

Вино сочится через край,
Звучат напыщенные тосты.
«Ты про любовь нам почитай!»
Кричат подвыпившие гости.

Гуляет свадьба, ночь тиха
и не сомкнуть до солнца очи.
В людской потребности стиха
Я убеждаюсь здесь воочью.

На переговорном пункте

Звонят в Москву, Алма-Ату,
Родным и близким,
в зиму, в лето,
а я звоню сестре в Юхту,
которой и на карте нету.

Летят вопросы в ночь,
во мрак
про дом, про дембель,
про столицу,
а я звоню: картошка как,
и есть ли нынче голубица?

Вопросы, словно бы допрос:
Где был и с кем, хлебнул, мол, лиха?
А я кричу: «Когда покос?»
И окотилась ли крольчиха?

Спешит мой голос
сквозь тайгу
перед сестрою извиниться,
что я приехать не могу:
командировка ждет в столицу.

Гостиница

Районная гостиница —
Провинциальный быт.
На областную силится
похожей в чем-то быть.

Гардины, шторы, люстры —
приятно пребывать.
Трельяж два кресла в «люксе»,
двухспальная кровать.

Во всем видна забота,
жилец теплом согрет.
Но нет водопровода
и туалета нет.

Огромный, как подойник, —
такому нет цены —
Железный ручной мойник, —
и кружка на цепи.

Я тороплюсь проститься,
я жить так не хочу,
колодезной водицы
попью и улечу.

И вспомнится мне скоро
в квартире городской
ведро возле вахтера
с колодезной водой.

Граница

Пролетает над Амуром,
пограничная тропа.
Никнут травы к амбразурам...
В небе месяца скоба.

Волны пенными боками
жмутся сонные к скале.
Вышли, словно великаны,
в полный рост стоят во мгле.

Повернула ночь на убыль.
Доты старые молчат, —
Как войны гнилые зубы,
в деснах берега торчат.

Слово о Божьей Матери

Поэма

I.
Земля, казацкая исконно,
Дорог упавшие кресты.
Твои озера, как иконы,
Неповторимы и чисты.

А над тобою дух российский,
А за тобою — ратный щит
и сень иконы Албазинской
тебя, Амурский край, хранит!

Хранит от моря и от бедствий
прошеньем к Господу своим.
Покров Заступницы Небесной
и чудотворен и любим.

Была безбожная немилость:
Когда антихрист ликовал,
Она в запасниках томилась,
а дьявол смертью лютовал.

И до сих пор по всей России
разбитым храмам несть числа,
как кулаки в немом бессилье,
воздеты к небу купола.

Мы в храм — к себе с годами строже —
Приходим поздно, может быть.
Ты пусти грехи, о Боже,
дай силы верить и любить.

II.
Пусть к тунгусским мехам
был неблизкий.
Покидая Киренский острог,
предводитель
Никифор Черниговский
сотню беглых
повел на восток.

За разбой
наказаньем гонимый,
На Амур необжитый
бежал,
а за смерть
Воеводы Илима

беглым вольную жизнь
обещал.

Осенившись крестом,
да с поклоном,
об удаче мечтая во всем,
Божью Матерь —
Святую икону
он унес из острога
тайком.

Охраняя в дороге
посменно,
разделяя и нужду
и хлеб.
Силой старца увел
Гермогена
для правленья
Божественных треб.

Битым быть иногородцами
с риском, где когда-то
на речке Чиркол
разорен был острог
Албазинский —
деревянную крепость
возвел!

Под окладом,
рискованный краской,
русских женщин
безропотный лик.
В красный угол
избы атаманской
он икону
вознес под рушник.

Собираясь к тунгусам
смирным
соболиный ясак
собирать,
осенял себя
крестным знаменьем,
на коленях просил
помогать.

... А когда государь
за деяния,
за преступные в прошлом

дела...

Дал указ,
чтоб казнить окаянного —
Божья Матерь
Ему помогла.

III.
Девятнадцатый век
не скончался.
Для Охотских
военных постов,
да войной изнуренных
Камчатских
Первый сплав
Снаряжал Муравьев.

Для души христианской
потреба,
чтоб в походе
хранила она,
казаки принесли
для молебна
Божью Матерь
из Албазина.

Под разгул
колокольного звона,
умоляя
от скверны спасать,
пред святой
Чудотворной иконой
опустилась
Казацкая рать.

Ради славы Российской
В стремленье,
Муравьев, сняв папаху,
на миг
осенив себя
Крестным Знаменьем
К Божьей Матери
с верой приник.

IV.
Веселись и радуйся
Церковь Соборная,
Православная
Амурская земля,
Возвращается

Икона Чудотворная —
Пресвятая
Богородица твоя.

Древняя,
Как вера милосердная,
в лоно Церкви,
Нас хранить и исцелять,
возвращается
Заступница Усердная
Албазинская Икона —
Божья Мать.

Мудрым старцем
Гермогеном
нам завещана,
К Христианству
Край Амурский приобщен.
Крестный ход
В старинном граде
Благовещенске —
будет снова град
Отныне освящен.

Крест престольный
Над толпою

Да хоругви,
православных
просветленные глаза.

И на лике
после длительной разлуки
Божьей матери
Священная слеза.

Веры
попранной,
Музейной пыли узница,
память славных
исторических веков,
В Храм вливается
Чудотворная Заступница
На руках амурских крепких казаков.

Колокольный звон
Над городом
разносится,
Страждущих, заблудших
В Храм зовет.
Пусть всегда покров
Небесной Богородицы
Над землей Амурской
Будет распростерт.

